

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ БЮРОКРАТИИ

ДЬЯК ФЕДОР МИШУРИН: СУДЬБА ПРИКАЗНОГО БЮРОКРАТА XVI В.

А.Ю. Савосичев

Кафедра Отечественной истории
Орловский государственный университет
ул. Комсомольская, 95, Орел, Россия, 302026

В статье анализируется роль приказной бюрократии в функционировании государственного аппарата России XVI в. на примере биографии дьяка Федора Михайловича Мишурина. Автор показал динамику карьеры государственного деятеля в связи с его сословным происхождением и личными связями, обратив внимание на внутривластные события, на фоне которых протекала служебная деятельность дьяка.

Ключевые слова: дьяки, дворцовые учреждения, период боярского правления, бюрократия.

Эпоха Василия III и первые годы правления Ивана IV не оставили в памяти потомков столь значительного впечатления, как времена Ивана III, реформы и внешнеполитические триумфы середины XVI столетия. Дед великого князя Василия заложил фундамент российского самодержавия, сын придал ему блестящий фасад. Но это был постепенный процесс. Первая треть XVI столетия не принесла с собой впечатляющих военных успехов, подобных Казанскому взятию, и не сопровождалась масштабными внутривластными сдвигами. Годы Василия III стали периодом закрепления достигнутого и своеобразного накопления сил перед новым витком исторического развития, пролагавшего себе путь через кризисы, подобные тем, что потрясли Россию в период малолетства Ивана Грозного.

Расширение территории страны, усложнение задач государственной политики стимулировали дальнейшее развитие управленческого аппарата. Это проявилось, в том числе, в росте числа дьяков и подьячих, увеличении роли бюрократии в управлении государством. Фигура канцелярского деятеля становится все более заметной в окружении российских государей.

Одной из таких типичных фигур был великокняжеский дьяк Федор Михайлович Мишурина. Подобно целому ряду бюрократов XVI столетия наш герой не отличался знатностью. Он был выходцем из среды мелких слуг дворцового ведомства и не относился к служилому сословию (1).

Первое упоминание в источниках о Федоре Мишурине относится к 1516/1517 г. Судя по его руке на платежной отписи, он принимал в казну денежный оброк с деревни и починков Троицкого Белопесоцкого монастыря в Каширском уезде. Аналогичные документы Федор подписывал в 1517/1518—1520/1521 гг. (2). В финансовом и судебном отношении, интересующие нас владения троицкой братии находились в ведении Дворца (3). Следовательно, и Федор Мишурин, принимавший с них оброчные платежи, был одним из дворцовых слуг (4).

Впервые как дьяк великого князя наш герой упоминается 28 июля 1524 г. в докладной полюбовной разъезжей Троице-Сергиева монастыря и московских помещиков братьев Олехновых. Разъезжая стала результатом поземельного спора, разбиравшегося судьей Веригой Негодяевым. Суд фактически не состоялся за примирением сторон. Межа, разделившая спорные владения, была проведена солидарными старожильцами обоих истцов. Результаты разбирательства Верига представил на утверждение дворецкому кн. Ивану Ивановичу Кубенскому. Итоговую разъезжую подписал дьяк великого князя Федор Мишурин (5). Обстоятельства дела позволяют уверенно заключить, что наш герой был одним из дворцовых дьяков.

По сути, вся последующая служебная биография Федора Михайловича Мишурина была связана с Дворцом. В первой трети XVI в. Дворец был одним из ключевых государственных ведомств. Он контролировал деятельность местной власти в волостях и уездах. Дворецкий обычно подписывал жалованные грамоты. Широки были судебные полномочия главы Дворцового ведомства. Он судил землевладельцев — обладателей жалованных несудимых грамот и их людей, то есть тех, кто был неподсуден обычному суду. В компетенции дворецкого был разбор наиболее тяжких уголовных дел. Его суд, наряду с судом лично государя и введенных бояр, играл роль своеобразного верховного суда. Туда поступали дела, которые не могли быть решены судами низшей инстанции (6). Дворец ведал всем имуществом, которое было собственностью лично монарха и его семьи. Туда поступали и оттуда распределялись все денежные и натуральные доходы с дворцовых вотчин. Под началом дворецкого был целый штат дворцовых дьяков. На протяжении почти всей служебной карьеры непосредственным начальником Федора Мишурина был князь Иван Иванович Кубенский. Он упоминается как дворецкий в 1524—1526 и 1530—1543 гг. (7). В 1527—1531 гг. дворецким был князь Иван Васильевич Немой Телепнев Оболенский (8).

Главной функцией Федора Михайловича Мишурина как дворцового дьяка было удостоверение подписью различных грамот, проходивших через канцелярию его ведомства. За период с 28 июля 1524 г. по 1532/1533 г. нами выявлено восемь грамот, подписанных Федором Мишуриным: три жалованных (9), две разъезжих (10), меновная (11) и две правых (12). Он же ведал денежными поступлениями с дворцового имущества (13).

17 мая 1525 г. наш герой упоминается в связи с приемом иностранных дипломатов. Согласно посольским обычаям того времени, в честь представителей иностранных государей устраивалась торжественная трапеза с участием самого великого князя. После ее окончания некоторые кушанья и напитки отправлялись к дипломатам на подворье. Дьяк Федор Мишурин 17 мая был направлен с такой

задачей к литовскому посланнику Богухвалу Дмитриеву (14). Обычно вопросами продовольствия для иностранных дипломатов и их свиты ведали дьяки и подьячие дворцового ведомства.

В правление Василия III во Дворце служило несколько дьяков. Среди них Федор Михайлович Мишурин ничем особенным не выделялся. Первые признаки политического возвышения нашего героя, приведшего его к самому подножью трона, появляются только в связи с предсмертной болезнью вел. кн. Василия.

В свою последнюю поездку на богомолье в Троице-Сергиев монастырь великий князь Василий отправился 21 сентября 1533 г. В обители государь пробыл, по меньшей мере, до 25 сентября. Выполнив благочестивую миссию, он отправился под Волоколамск для отдохновения и охоты («тешиться», по словам летописца). Будучи в селе Озерецком, Василий Иванович впервые почувствовал себя плохо: на бедре у него обнаружился нарыв. Воспалительный процесс существенно ухудшил общее самочувствие монарха. Превозмогая болезнь, великий князь поехал в село Нахабное, а оттуда в Покровское Фуниково, где был 1 октября. В Волок Василий Иванович прибыл 5 октября. Все мероприятия — пир у Шигоны Поджогина, мытье в бане, поездка на охоту в Колпь и застолье там — происходили вопреки плохому самочувствию великого князя. В Колпи 7 октября (или день-два спустя) состояние Василия Ивановича настолько ухудшилось, что он вынужден был отказаться от застолий и стал кушать только в постели. Осознав серьезность болезни, монарх обратился к врачам Николаю Булеву и Феофилу. Одновременно к постели больного был призван государев дядя князь Михаил Львович Глинский. В Колпи Василий Иванович пробыл две недели. Состояние больного ухудшилось. Болезнь, сопровождаемая лечением, развивалась. Когда великий князь решил вернуться в Волок, его несли на носилках. Расположение нарыва, в котором началось нагноение, исключало посадку в седло.

В Волоке больной стал чувствовать себя еще хуже: нагноение усилилось, в груди появилось тиснение, пропал аппетит. В такой обстановке в столицу были посланы стряпчий Яков Мансуров и дьяк Меньшик Путятин. Они тайно должны были привезти государю духовные его отца и деда. Перед лицом болезни великий князь Василий решил написать новое завещание.

Болезнь государя была тяжелой, но пока Василий Иванович не считал ее смертельной. Тайный характер миссии Якова Мансурова и Меньшого Путятина должен был исключить возникновение в столице и при дворе преждевременных волнений. Осведомлены были только самые близкие к монарху доверенные лица: Шигона Поджогин и Меньшик Путятин. Ночью 25 октября Василий Иванович именно с ними обсуждал вопрос о том, кого из бояр пригласить на предстоящее заседание Думы, где планировалось говорить о духовной.

В ночь на 5 ноября в болезни Василия Ивановича наступил кризис (нарыв прорвался), а вместе с ним появились и надежды на облегчение. Эти чаяния не сбылись, «болезнь же его тяшка бысть». В Волок из Москвы приехали, специально вызванные, старец Мисаил Сукин и боярин Михаил Юрьевич Захарьин. По их приезду состоялось заседание Думы с участием князя Дмитрия Федорови-

ча Бельского, князя Василия Ивановича Шуйского, Михаила Юрьевича Захарьина, князя Михаила Львовича Глинского, дворецких князя Ивана Ивановича Кубенского и Ивана Юрьевича Пожогина, а так же дьяков Меньшого Путятин, Елизара Циплятева, Афанасия Курицына и Третьяка Ракова. На совещании обсуждался вопрос о возвращении великого князя в Москву.

14 ноября Василий Иванович был в селе Буйгород, а утром следующего дня приехал в Иосифов монастырь. Силы его были на исходе: великий князь передвигался только в повозке и практически не вставал с переносного ложа. В Успенский храм его ввели под руки, литургию он слушал лежа, будучи на церковной паперти. 16 ноября государев поезд двинулся в столицу.

Утром 23 ноября великий князь Василий въехал в Кремль через Боровицкие ворота. Сразу же была созвана Дума. На совещание были приглашены князь Василий Васильевич Шуйский, Михаил Юрьевич Захарьин, Михаил Семенович Воронцов, казначей Петр Иванович Головин и Тверской дворецкий Иван Юрьевич Шигона. С наиболее приближенными к трону думцами великий князь Василий стал обсуждать вопрос «о своем сыну о князе Иване, и о своем великом княжении, и о своей духовной грамоте, понеже сын его млад, токмо трех лет на четвертой, и како строитися царству после его» (15). Из дьяков на обсуждение судьбы государства были приглашены только двое: Григорий Никитич Путятин и Федор Мишурин. По итогам заседания была написана великокняжеская духовная. Писал документ Меньшик Путятин, а Федор Мишурин был у него «в товарищах» (16). Тогда же на заседание Думы были приглашены князь Иван Васильевич Шуйский, Михаил Васильевич Тучков, кн. Михаил Львович Глинский и брат великого князя Юрий. Обсуждение судеб государства при новом государе Иване Васильевиче было продолжено.

Тогда же Василий Иванович говорил с митрополитом Даниилом, коломенским владыкой Вассианом, старцем Мисаилом Сукиным и своим духовником благовещенским протопопом Алексеем о предстоящем пострижении в монахи. Кроме этих духовных лиц в замысел великого князя были посвящены только Шигона Поджогин и Меньшик Путятин. В приделе св. Василия Великого Благовещенского собора попом Григорием была отслужена тайная обедня. Никто, кроме Вассиана, Мисаила и протопопа Алексея, на службе не присутствовал. В ночь с 26 на 27 ноября великий князь, опять же тайно, был миропомазан. Таинство миропомазания обычно совершалось в случае тяжелой болезни, угрожающей больному смертью. Отсюда и тайный характер всех священнодействий: помешать распространению слухов о том, что государь умирает.

В ночь на 30 ноября великий князь был миропомазан еще раз, теперь уже явно. Видимо, никаких надежд на выздоровление уже не осталось. Днем того же числа Василий Иванович принял причастие (17). В тот же день состоялось расширенное заседание боярской Думы: присутствовали братья государя, митрополит Даниил и все бояре, кто не был на службе за пределами столицы. Было официально объявлено, что умирающий великий князь передает власть сыну Ивану. После этого большинство думцев было отпущено, остались только князь Дмитрий

Федорович Бельский с братьями, князя Шуйские, Поплевины и князь Михаил Львович Глинский. Было официально объявлено, что кн. Дмитрий и кн. Михаил назначаются душеприказчиками. Тогда же Василий Иванович в присутствии князя Михаила Львовича и Михаила Юрьевича Захарьина в последний раз совещался с врачами. На вопрос великого князя о возможности выздоровления Николай Булев ответил, что сделать мертвого живым может только Бог, но не медик (18).

Убедившись, что смерть неизбежна, Василий Иванович 3 декабря говорил о духовных делах с игуменом Троице-Сергиева монастыря Иоасафом, принял участие и позвал бояр. Около четырех часов подряд великий князь совещался с князьями Василием и Иваном Васильевичами Шуйскими, Михаилом Воронцовым, Михаилом Тучковым, князем Михаилом Глинским, Шигоной Поджогиным, Петром Головиным и дьяками Меньшим Путятиным и Федором Мишуриным: «о своем сыну великом князе Иване Васильевичи и о устроенье земском како бы правити после его государства». В седьмом часу дня думцы были отпущены. Остались только Михаил Юрьевич Захарьин, князь Глинский и Шигона Поджогин. Им были даны последние наставления о великой княгине Елене (19).

Простившись с семьей, Василий Иванович призвал владыку Вассиана и старца Мисаила для устройства дел душевных. Главным делом было предстоящее пострижение великого князя. Для этого был приглашен троицкий игумен Иоасаф. Монашеское облачение доставил Мисаил. Прибыли митрополит Даниил, братья Юрий и Андрей, Иван Юрьевич Шигона. Духовник государя протоиерей Алексей и крестовый дьяк Данила стали совершать последние предсмертные молитвы. На смертном одре Василий Иванович простился с Михаилом Семеновичем Воронцовым, отдав ему какую-то старую обиду (20).

Здесь у ложа умирающего разгорелся острый спор. Митрополит Даниил и Михаил Юрьевич соглашались с благочестивым желанием великого князя принять постриг. Андрей Старицкий, Воронцов и Шигона Поджогин были против, апеллируя к древней традиции, согласно которой все монархи, начиная с Владимира Святого, умирали мирянами. Видя, что больной умирает (наступило нарушение речи, отнялась правая рука), митрополит Даниил, пригрозив сомневающимся отлучением от благословения, совершил обряд пострижения. В двенадцатом часу, в ночь с 3 на 4 января 1533 г. великий князь Василий, в иноках Варлаам, скончался. У смертного одра в тот момент были митрополит Даниил, троицкий игумен Иоасаф, троицкий же келарь Серапион Курцев, старец Мисаил Сукин, Андрей Старицкий, Михаил Захарьин, Шигона Поджогин и Михаил Воронцов (21).

Летописная повесть о болезни и смерти великого князя Василия ценна, прежде всего, тем, что позволяет определить круг наиболее доверенных лиц монарха, стоявших ближе всего к трону, а следовательно, реально принимающих участие в определении государственной политики. Из текста летописи явно видно, что из числа дьяков наиболее приближенным к государю был Меньшик Путятин. Второй по значению фигурой в бюрократической аппарате, бесспорно, был Федор Мишурин. Он не был в последней поездке с великим князем Василием, оставшись в столице, но по возвращении монарха в Москву принял активное участие в госу-

дарственных делах. Федор Михайлович присутствовал на заседаниях ближней Думы и участвовал в составлении великокняжеской духовной. Все это признаки особой близости к фигуре государя.

Чем вызван столь стремительный карьерный взлет Федора Михайловича Мишурина? Ответ на этот вопрос дать сложно. Состояние наших источников таково, что многие тайные пружины российской политической жизни XVI столетия прочно скрыты временем от глаз исследователя. Рискнем предположить, что возвышение Федора Мишурина было связано с ростом влияния при дворе Ивана Юрьевича Шигоны Поджогина. Он, как и Федор Мишурина, служил в дворцовом ведомстве, правда, несколько в другой его отрасли. Поднимаясь по служебной лестнице к трону, Шигона, по всей видимости, повел за собой наиболее способных работников дворцовой администрации.

Великому князю Ивану, взошедшему на престол после смерти отца, едва минуло три года. Фактическая недееспособность нового монарха как государственного деятеля вызвала в стране острый политический кризис, затянувшийся более чем на десятилетие. Главным содержанием его стала упорная борьба за власть между различными группировками внутри политической элиты.

В первые месяцы правления великого князя Ивана ключевыми властными фигурами стали князь Михаил Львович Глинский, Михаил Юрьевич Захарьин и Шигона Поджогин. Этот своеобразный «триумвират» сохранялся до осени 1534 г. С арестом государева дяди и фактическим удалением от дел Михаила Захарьина реальная власть перешла к вдовствующей великой княгине-матери Елене Васильевне (22). На карьере нашего героя все эти политические бури не отразились. Может быть, это было связано со стабильным положением при дворе его возможного покровителя Шигоны Поджогина, а может быть, сыграла свою роль совместная служба Ивана Михайловича с князем Иваном Васильевичем Немым Оболенским, который приходился двоюродным братом всеильному князю Ивану Федоровичу Овчине Телепневу Оболенскому (23).

В сложившихся условиях влияние Федора Мишурина на государственные дела продолжало расти. Первый признак тому — участие дьяка в переутверждении иммунитетных грамот. С точки зрения средневекового права пожалование земель и привилегий сувереном своему слуге носило характер личного договора. Смерть одной из сторон такого договора влекла за собой его перезаклучение. По сему смена великого князя на российском престоле сопровождалась переутверждением всех жалованных грамот предыдущих правителей. Все заинтересованные лица предоставляли имевшиеся у них документы в великокняжескую канцелярию, где к акту делалась приписка о подтверждении новым монархом прав и привилегий, предоставленных прежним владельцем. При этом объем данных прав и привилегий мог быть изменен как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения. Часть иммунитетных грамот могла остаться без утверждения и тем самым аннулировалась.

Основные направления иммунитетной политики государства, конечно же, определялись властной элитой, но роль дьяка — управителя канцелярии была исклю-

чительно велика. Именно он интерпретировал основные принципы иммунитетной политики по отношению к конкретным правам и привилегиям конкретных земле-владельцев. Каждая грамота, подлежащая утверждению, рассматривалась дьяком по существу, подпись дьяка удостоверяла факт утверждения. В руках управителя канцелярии, таким образом, сосредотачивалась большая власть.

Процесс переутверждения иммунитетных грамот растянулся на несколько десятилетий (24). Но основная работа, естественно, была проделана в первые месяцы нового великого княжения. В 1533/1534 г. на имя Ивана Васильевича были подписаны 114 докладных купчих, жалованных, правых и указных. Удостоверяли грамоты дьяки Афанасий Федорович Курицын, Федор Мишуриин и Меньшик Путятин. Афанасий подписал 29 грамот, Меньшик Путятин только одну, а Федор Мишуриин — 84 (25). В 1535 г. было переутверждено всего 7 грамот (26), в 1536 — 4 (27), в 1538 — 4 (28). Еще в пяти случаях точная дата удостоверения акта неизвестна (29). Все они были подписаны Федором Михайловичем. Наглядно видно, что основной фигурой здесь являлся наш герой. Роль остальных дьяков либо незначительна, либо специфична. Так, все 29 грамот, подписанных на имя вел. кн. Ивана Афанасием Курицыным, принадлежали Троице-Сергиеву монастырю (30).

Основная масса грамот, удостоверенных Федором Мишуриным, была подписана в январе, феврале и марте 1534 г. — 7, 39 и 20 соответственно. Остальные достаточно хаотично распределяются по 1535—1538 гг. Похоже, что в течение декабря 1533 — января 1534 гг. необходимые документы накапливались в архиве ведомства Федора Мишурина и соответствующим образом анализировались, а затем переутверждались и удостоверялись подписью дьяка. На подписание грамот одного иммунитета выделялись 1—3 дня. Так, 6 жалованных Иосифо-Волоцкого монастыря были подписаны на имя нового государя 20, 21 и 26 января — 4, 1 и 1 соответственно (31). Все 5 иммунитетных грамот Кирилло-Белозерского монастыря были подписаны 1 февраля 1534 г. (32). Из 11 грамот Симонова монастыря 10 были удостоверены 25 февраля 1534 г. (33) 6 жалованных Троице-Сергиева монастыря Федор Мишуриин подписал 27 и 28 февраля того же года — 5 и 1 соответственно (34). Мы видим, что большая бумажная работа была проделана ведомством нашего героя быстро и профессионально. Признаков знаменитой по публицистике XVII столетия московской приказной волокиты пока не наблюдается.

Одной из ведущих была роль Федора Мишурина и при выдаче из великокняжеской канцелярии новых грамот. От периода с 1533 по 1538 гг. сохранились сведения о 17 правых (35), жалованных (36), разъезжих (37) и указных (38), удостоверенных 6 великокняжескими дьяками. Примечательно, что из шести жалованных грамот пять были подписаны Федором Мишуриным. Таким образом, через его канцелярию проходило не только переутверждение старых, но и пожалование новых иммунитетных привилегий.

Еще одним признаком существенного роста влияния Федора Мишурина на государственные дела стало его интенсивное участие в посольских приемах. В правление великого князя Василия дьяк лишь единожды имел дело с иностранными дипломатами, играя при этом явно второстепенную роль. При малолетнем великом князе Иване ситуация кардинально поменялась.

С момента вокняжения нового государя и до 1537 г. литовские дипломатические эмиссары разного ранга побывали в Москве шесть раз (39). Предмет переговоров был традиционен: подписание мирного договора. После окончания русско-литовской войны 1512—1522 гг. было заключено лишь перемирие, которое регулярно продлевалось (такая противоестественная ситуация сохранялась вплоть до Ям-Запольского мира 1582 г.). Взаимные претензии Москвы и Вильно были столь велики, что компромисс оказывался невозможным.

Федор Мишурин принял участие в четырех дипломатических приемах из шести. В декабре 1533 г. в Москву приезжал литовский посланник Юшко Клинский. Он был официальным эмиссаром литовских панов-рады к князьям Дмитрию Федоровичу Бельскому и Михаилу Юрьевичу Захарьину. В дипломатической практике русско-литовских отношений такие контакты были обычными. Они, как правило, предшествовали серьезным переговорам. Бояре и паны в ходе предварительных контактов договаривались совместно склонять своих государей к взаимовыгодным соглашениям. Возможно, в Литве паны-рада и могли быть реальными посредниками в ходе переговоров. В России же устами бояр-переговорщиков говорило то же дипломатическое ведомство, что и при прямых контактах между великими князьями. Переговоры 18 декабря 1533 г. не стали исключением. Князь Дмитрий и Михаил Юрьевич лишь обеспечили официальный прием литовского дипломата. Все переговоры, как это обычно бывало в последние годы правления великого князя Василия, вел Шигона Поджогин. Встречали Юшка Клинского официальные представители дипломатического ведомства: дьяки Меньшой Путятин и Федор Мишурин (40).

В следующем 1534 г. русско-литовские отношения резко обострились: разразилась очередная война, традиционно именуемая Стародубской. По сему дипломатические контакты между Москвой и Вильно возобновились только в 1536 г., когда ситуация на театре военных действий стабилизировалась, продемонстрировав примерное равенство сил противоборствующих сторон. 22 февраля от литовских панов-рады в российскую столицу прибыл посланник Гайко, а 25 мая и 4 июня 1536 г. здесь принимали Владислава Роговского. Переговоры с ними великий князь Иван Федорович Овчина Телепнев Оболенский, главная фигура в правительстве великой княгини Елены. Встречали дипломатов Шигона Поджогин и дьяки Меньшой Путятин и Федор Мишурин (41).

К началу 1537 г. предварительные переговоры завершились. 11 января в Москву прибыло посольство в составе Яна Юрьевича Глебовича, Матвея Войтеховича и писаря Венцлава Николаева. 14 января дипломаты были приняты великим князем. Согласно обычаю, такие приемы имели как парадную, чисто церемониальную сторону, так и содержательную. Великокняжеские дьяки сыграли важную роль и в том и в другом случае. Елизар Иванович Циплятев был главным распорядителем приема, у него на руках были списки всех участников церемонии. При вручении верительных грамот взял документы Меньшик Путятин. Он же говорил все нужные слова от имени государя, которому на момент встречи с послами было семь лет. Встречали дипломатов во время аудиенции дьяки Алексей Федорович Курицын, Третьяк Раков, Елизар Циплятев, Меньшик Путятин и Обрюта и Михаил Федоровичи Мишурины. Провожал послов в переговорную палату Меньшик

Путятин. Собственно переговоры начались 18 января. Их вели Михаил Юрьевич Захарьин, Шигона Поджогин, Елизар Циплятев, Меньшик Путятин и Федор Мишурин (42). Дипломатические споры, продолжавшиеся целый месяц, вплоть до 18 февраля, окончились подписанием пятилетнего перемирия. Текст перемирных грамот был составлен Меньшим Путятиным и Федором Мишуриным (43).

12 декабря 1535 г. из Казани в Москву прибыл, изгнанный татарами, хан Шах-Али. 9 января 1536 г. состоялся его прием великой княгиней Еленой Васильевной. Встречали царя самые знатные и доверенные бояре кн. Василий Васильевич Шуйский и кн. Иван Федорович Овчина Телепнев Оболенский. Из дьяков на церемонии были только двое — Федор Мишурин и Меньшик Путятин (44).

Блестящая карьера Федора Михайловича Мишурина трагически оборвалась 21 октября 1538 г. Уход из жизни государева дьяка оказался настолько значимым событием, что его описание попало на страницы целого ряда летописей. Наиболее кратко сообщения тех сводов, которые по времени составления ближе всего к происшедшим событиям. «В лето 7047. Октября князь великий Иван Васильевич велел казнити смертною казнию диака своего Федора Мишурина, у тюрем головы съсечи», — повествует Вологодско-Пермская летопись (45). Воскресенская летопись связывает эти события с враждой кнн. Василия и Ивана Васильевичей Шуйских с кн. Иваном Федоровичем Бельским: «И в той их брани повелеша Шуйские и иные бояре убити великого князя дьяка Феодора Мишурина» (46). Подробнее всего эти события описаны в Львовской летописи, Патриаршем списке Никоновской летописи и в Царственной книге. Расширен список противников князей Шуйских. Кроме князя Ивана это Михаил Васильевич Тучков, князь Юрий Михайлович Голицын Булгаков и Иван Иванович Хабаров, а также митрополит Даниил. Указан повод для конфликта: противники Шуйских добивались боярства для князя Юрия и окольниковства для Ивана Хабарова. В результате князь Иван Федорович Бельский был арестован, его советники отправились в ссылку по своим именам, а Федор Иванович Мишурин был казнен. Царственная книга уточняет, что дьяк был схвачен детьми боярскими на своем дворе, «ободран» (то есть с него была сорвана одежда, скорее всего, с соответствующими оскорблениями словами и действием) и только после этого отправлен на плаху (47).

Трагические события, развернувшиеся в столице осенью 1538 г., явно были лишь эпизодом в новом витке кризиса, толчком к которому послужила смерть великой княгини Елены Васильевны 3 апреля того же года. Нарушение политического равновесия привело к очередной перестановке лиц у подножия трона. Уже 9 апреля был арестован князь Иван Федорович Овчина. Его сестра Агриппина, вдова Василия Андреевича Челяднина, была сослана в Каргополь и пострижена в монахини. В феврале 1539 г. лишился кафедры митрополит Даниил.

Судьба Мишуриных в какой-то мере отразила судьбу всех дьяков XVI столетия. Относительно новая прослойка в социальной структуре российского общества была порождена новыми политическими реалиями. Сколь не была старинная аристократия недовольна ростом влияния приказной бюрократии, сколь не противодействовала ему, рост этот продолжался на протяжении всего XVI в. Постепенно и сами представители древних родовитых фамилий были втянуты в приказную деятельность и обюрократились. Но это уже явления нового XVII столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Брат Михаила Василий Обрюта в июле 1524 г. служил в посельских. Эта должность указывает на принадлежность Мишуриных к среде «слуг под дворскими». См. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506—1608 гг. (далее — АСЕМ). — М., 1998. — № 23.
- (2) Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России (далее — АГР). — Киев, 1860. — Т. 1. — № 57. — С. 100.
- (3) Акты Русского государства (далее — АРГ). — М., 1975. — № 29.
- (4) Составители хронологического перечня актов архива Троице-Сергиева монастыря напрасно именуют Федора Мишурина дьяком уже применительно к 1516/1517—1520/1521 гг. (см. Перечень актов архива Троице-Сергиева монастыря. 1505—1537. — М., 2007. — С. 337). Дьяком он стал несколько позднее.
- (5) АРГ. — № 229.
- (6) *Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв. // Исторические записки. — М., 1958. — Т. 63. — С. 181.
- (7) Там же. — С. 187, 203.
- (8) *Антонов А.В.* Клинические акты XV—XVI века. — № 6 // Русский дипломатарий (далее — РД). — Вып. 4. — М., 1998; *Шумаков С.А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии» (далее — ОГКЭ). — М., 2002. — Вып. 5. — С. 202; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. — М., 1988. — С. 51; *Кобрин В.Б.* Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв. — М., 1995. — С. 100.
- (9) АГР. — Т. 1. — № 52, 55; *Каушанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века // Археографический ежегодник за 1957 год (далее — АЕ). — С. 339; АРГ. — № 119.
- (10) АРГ. — № 229; АСЕМ. — № 27.
- (11) ОГКЭ. — Вып. 5. — С. 202.
- (12) АРГ. — № 230; АГР. — Т. 1. — № 55.
- (13) Акты юридические, собрание форм старинного делопроизводства (далее — АЮ). — СПб., 1838. — № 19.
- (14) Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). — СПб., 1892. — Т. 35. — С. 700.
- (15) Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — Т. 4. — М., 2000. — С. 557.
- (16) Там же.
- (17) Там же.
- (18) ПСРЛ. — Т. 4. — С. 558—559.
- (19) ПСРЛ. — Т. 4. — С. 559.
- (20) ПСРЛ. — Т. 4. — С. 561.
- (21) ПСРЛ. — Т. 4. — С. 562—563.
- (22) *Кром М.М.* Судьба регентского совета при малолетнем Иване IV. Новые данные о внутривластной борьбе конца 1533—1534 года // Отечественная история. — 1996. — № 5. — С. 38, 46.
- (23) *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии... — С. 50.
- (24) Последняя из известных нам грамот Василия III была подписана на имя его сына 17 февраля 1560 г. См. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук (далее — ААЭ). — СПб., 1836. — Т. 1. — № 171.
- (25) ААЭ. — Т. 1. — № 159, 171, 177; АГР. — Т. 1. — № 52, 57; Акты исторические, собранные и изданные Археографической Комиссией (далее — АИ). — Т. 1. — СПб., 1841. — № 125; *Амвросий.* История российской иерархии. — М., 1811. — Ч. 3. — С. 280—283; М., 1812. — Ч. 4. — С. 704—706; *Антонов А.В.* Клинические акты XV—XVI века. — № 6, 17 // РД. — Вып. 4.; *Он же.* Вновь открытые рязанские акты XVI — начала XVII века. —

- № 11 // РД. — Вып. 9. — М., 2003; *Он же*. Вотчинные архивы кашинских и угличских монастырей и церквей XV — начала XVII века. Акты угличских монастырей и церквей. — № 48 // РД. — М., 1998. — Вып. 3.; АРГ. — № 15, 29, 33, 86, 107, 118, 133, 207; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ). — М., 2008. — Т. 4. — № 172; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси (далее — АСЭИ). — М., 1952. — Т. 1. — № 653; М., 1958. — Т. 2. — № 278, 381, 389, 366, 497; М., 1964. — Т. 3. — № 95, 98, 196; Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. (далее — АТКМ). — М.; СПб., 2007. — № 53, 54, 62, 63, 74; Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря (далее — АФЗХ (АМСМ)). — Л., 1983. — № 4—8, 11, 18, 39, Акты феодального землевладения и хозяйства (далее — АФЗХ). — М., 1956. — Ч. 2. — № 63, 87, 102, 103; АЮ. — № 361/II; *Баранов К.В.* Новые акты Иосифо-Волоколамского монастыря конца XV — начала XVII века. — № 3 // РД. — Вып. 4; Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. — М., 1896. — Т. 1. — № 5, 7, 9; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — ДАИ). — СПб., 1846. — Т. 1. — № 219; *Дионисий*. Можайские акты. — СПб., 1892. — № 1; *Добронравов В.Г.* История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле Залесском. — Сергиев Посад, 1908. — С. 18; Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве (далее — АТН). — Юрьев, 1897. — Вып. 2. — № 6; *Зимин А.А.* Новые документы по истории местного управления в России первой половины XVI в. — № 1 // АЕ за 1965 год. — М., 1966; *Каушанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века — № 30, 191, 210, 222, 258, 268, 277, 293, 294 // АЕ за 1957 год. — С. 310, 318, 329, 331, 333, 336, 338, 339, 341; *Он же*. Из истории русского средневекового источника. Акты X—XIII вв. Приложение I. — № 4, II. — № 1, IV. — № 1; *Кистерев С.Н.* Акты Московского Чудова монастыря 1507—1606 годов. — № 27 // РД. — Вып. 9; *Кучкин В.А.* Жалованная грамота Тверскому Афанасьевскому монастырю 1555 г. // Исторический архив. — 1960. — № 1. — С. 222; *Маштафаров А.В.* Вновь открытые монастырские акты XV — начала XVII века. — № 1 // РД. — Вып. 4; ОГКЭ. — М., 1912. — Вып. 3. — № 239, 478. — С. 75, 123, 124, 175; М., 1917. — Вып. 4. — № 1298. — С. 472, 491; Вып. 5. — № 9. — С. 203; Описание Троицкого Селижарова монастыря Тверской епархии. — Тверь, 1900. — С. 109—114; Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. — СПб., 1904. — Т. 32. — С. 236, 611; Сборник Муханова. — СПб., 1866. — № 319. — С. 599—600; Сборник Новгородского общества любителей древности. — Новгород, 1908. — Вып. 1. — С. 85.
- (26) ААЭ. — Т. 1. — № 385; *Амвросий*. История российской иерархии. — Ч. 3. — С. 136—144, 186—193; Акты Российского государства. Архивы Московских монастырей и соборов XV — начала XVII вв. (далее — АРГ (АММС)). — М., 1998. — № 56; АСЗ. — Т. 1. — № 140; ДАИ. — Т. 1. — № 46, 48; *Каушанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. — № 278 // АЕ за 1957 год. — С. 339.
- (27) АФЗХ. — Ч. 2. — № 79; ОГКЭ. — Вып. 4. — № 554. — С. 172; АСЗ. — Т. 1. — № 171; Т. 4. — № 52.
- (28) АТКМ. — № 20; *Румовский Н.* Описание Великоустюжского Успенского собора. — Вологда, 1862. — С. 63—67.
- (29) *Антонов А.В.* Вотчинные архивы Владимирских монастырей и соборов XIV — начала XVII века. — № 236 // РД. — Вып. 4; *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы Рязанских духовных корпораций XIII — начала XVII века. — № 108 // РД. — М., 2000. — Вып. 6; *Антонов А.В., Маштафаров А.В.* Вотчинные архивы Нижегородских духовных корпораций конца XIV — начала XVII века. — № 30 // РД. — М., 2001. — Вып. 7; Труды Московского археологического общества. — Т. 22. — Вып. 2. — М., 1909. — С. 278—280; *Каушанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. — № 96 // АЕ за 1957 год. — С. 318.
- (30) ААЭ. — Т. 1. — № 174; АИ. — Т. 1. — № 132; АРГ. — № 23, 32, 34, 52, 83, 84, 89, 99, 135—137, 146, 147, 175, 183, 185, 186, 193, 205, 206, 211, 218, 220, 253, 280; АСЭИ. —

- Т. 1. — № 92, 132, 246, 247, 304, 307, 309, 310, 316, 327, 332, 346, 349, 352—354, 356, 358, 388, 414, 417, 455, 462, 491—495, 497, 498, 519, 530, 531, 561, 568, 573, 631, 637; *Каушанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. — № 260, 264, 288 // АЕ за 1957 год. — С. 337, 340.
- (31) АФЗХ. — Ч. 2. — № 63, 79, 87, 102, 103; *Баранов К.В.* Новые акты Иосифо-Волоколамского монастыря конца XV — начала XVII века. — № 3 // РД. — Вып. 4.
- (32) *Каушанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. — № 293, 294 // АЕ за 1957 год. — С. 341; ДАИ. — Т. 1. — № 219; ОГКЭ. — Вып. 5. — № 9. — С. 203; ААЭ. — Т. 1. — № 177; АСЭИ. — Т. 2. — № 278.
- (33) АСЭИ. — Т. 2. — № 381, 389; АФЗХ (АМСМ). — № 4—7, 8, 11, 18, 39.
- (34) АТН. — Вып. 2. — № 6; ОГКЭ. — Вып. 3. — № 478. — С. 123; АРГ. — № 33, 107, 133; АСЭИ. — Т. 1. — № 653.
- (35) АРГ. — Т. 1. — № 44—46; Акты, относящиеся до юридического быта древней России. — СПб., 1864. — Т. 1. — № 52/IV; РГБ ОР. — Ф. 303. — Кн. 518. — Л. 164—165 об., 339—339 об., 341—341 об.; АСЗ. — Т. 4. — № 503; АФЗХ (АМСМ). — № 46; АЮ. — № 20.
- (36) ААЭ. — Т. 1. — № 183, 228; АФЗХ (АМСМ). — № 51; *Кустерев С.Н.* Акты московского Чудова монастыря 1507—1606 годов. — № 59 // РД. — Вып. 9; АФЗХ. — Ч. 2. — № 226, 232.
- (37) РГБ ОР. — Ф. 303. — Кн. 518. — Л. 59—62 об.
- (38) АИ. — Т. 1. — № 138; АСЗ. — Т. 1. — № 123.
- (39) Памятники истории Восточной Европы (далее — ПИВЕ). — М.; Варшава, 1997. — Вып. 2. — С. 156—167.
- (40) Сб. РИО. — СПб., 1887. — Т. 59. — С. 2, 54; ПИВЕ. — Вып. 2. — С. 156—157.
- (41) Сб. РИО. — Т. 59. — С. 17, 18, 31, 32, 35.
- (42) Там же. — С. 66, 70, 71, 76.
- (43) Там же. — С. 105, 106.
- (44) ПСРЛ. — Т. 13. — М., 2000. — С. 102, 425.
- (45) Там же. — С. 318, 323.
- (46) Там же. — С. 295. То же сообщение читается в списке Оболенского Никоновской летописи. (См.: ПСРЛ. — Т. 13. — С. 98.)
- (47) ПСРЛ. — Т. 13. — С. 126, 431—432; М., 2002. — Т. 20. — С. 448—449.

CLERK FEODOR MISHURIN: FORTUNE OF DEPARTMENTAL BUREAUCRAT OF 16th CENTURY

S.U. Savosichev

Chair of domain history
Orel State University

Komsomolskaya Str., 95, Orel, Russia, 302026

In this article the role of clerk's bureaucracy in machinery of State of Russia in 16th century is analyzed and illustrated by the biography of Feodor Michilovich Mishurin. The author displayed the dynamic of career of statesman in connexion of his estate by birth and personal connexions, playing attention to political events on the background of it there was activity of the clerk.

Key words: clerks, palace founding, the period of the boyars governing, bureaucracy.